

До начала Кавказской войны Россия имела внушительные успехи на Кавказе: в конце XVIII в. были положительные политико-экономические результаты в освоении Предкавказья; в начале XIX в. успешно для России закончились войны с Ираном и Турцией, в результате - в Закавказье присоединен Северный Азербайджан, упрочена позиция в Грузии. Русские военные действия на Кавказе имели в своей основе антиколониальный освободительный характер.

Россия укрепила свои позиции на Северном Кавказе, в результате чего традиционная система набегов горцев на Закавказье несколько ослабла, но увеличилась на севере. На равнинах Дона и в предгорьях Кубани, на русской пограничной линии оживилась хозяйственная жизнь - местах бойкой торговли, сулившие немалые добычи. Черкесские племена активизировали набеги на станицы и укрепления с целью охоты за людьми, скотом, ценным имуществом. Несмотря на договоренность между русскими властями и черкесами о прекращении набегов, с черкесской стороны эти соглашения постоянно нарушались. По свидетельству известного французского путешественника Ф. Дюбуа де Монпере, посетившего Кавказ в 30-е годы XIX в.: «Народ, подобный черкесам, для которых разбой является первой необходимостью и даже добродетелью, недоумевает, когда это вменяется ему в вину как преступление и когда его хотят лишить право на это».

В дальнейшем «освоении» Кавказа русской армией возникло много проблем, в том числе по-прежнему вне сферы влияния России оставался Большой Кавказ. Хотя он не представлял особого экономического интереса, но был основным районом, где развивалась набеговая система горцев. Без его включения в сферу активной российской политики не было перспективы устойчивой поддержки Закавказья. К тому же горские народы упорно не хотели признавать постоянное укрепление России на Кавказе.

В силу этого, о дальнейшем мирном способе укрепления русских войск на Северном Кавказе не могло быть и речи, поэтому возникла необходимость начать развивать против горцев военно-политические карательные меры. Теперь уже действия на Кавказе носили российскую колониальную политическую направленность, положившую начало Кавказской войне.

Кавказская война – сложное, широкомасштабное общественно-политическое международное явление XIX вв., как для имперской России, так и для народонаселения Северного Кавказа.

Главным фактором и особенностью Кавказской войны было то, что Россия в этот период, достаточно развитая политически и экономически, столкнулась с противоборствующей стороной, которая:

- имела чуждый социальный, общественный, экономический, религиозный уровень;
- не имела в своей основе государственности и общности классов;
- существовала на набеговой системе.

С другой стороны, парадоксом было то, что Россия в этой войне выступала как генерирующий фактор: с одной стороны, стимулируя экономическую жизнь горских обществ и вызывая в них глубокие социальные сдвиги, с другой – олицетворяя собой «образ врага» - без чего немислима любая агрессия. Эти и другие составные являлись политической основой военных действий России на Кавказе.

Особо «неуправляемым» и опасным в военном отношении районов Кавказа был Северо-Западный Кавказ. В результате победы над Турцией в войне 1828-1829гг. по политико-административному устройству этот край считался присоединенным к России, однако, сложность ситуации состояла в двух основных моментах: воинственности адыгов и постоянной готовности Турции прийти на помощь горцам, совершавшим набеги на российскую пограничную линию.

Освоение этих территорий шло трудно из-за не всегда продуманной политики русских властей. Процесс «нащупывания» конструктивной политики протекал стихийно. Причина была и в том, что русские власти не имели необходимой информации о внутренней жизни горцев. Русские военачальники часто действовали по собственному усмотрению. Одни считали, что нужно окружить себя прочными кордонами для защиты от набегов. Другие призывали жить с черкесами в добрососедстве, развивать с ними торговые связи. Третьи говорили о необходимости держать племена в постоянном страхе, методично совершать вторжения, жечь, грабить, уничтожать посевы. Четвертые предлагали несколькими внезапными и решительными ударами в разных направлениях навсегда «умиротворить» Северо-Западный Кавказ. Эти мнения доводились до высших инстанций.

На раннем этапе Кавказской войны высочайшее предписание еще императора Александра I было: «Настрожайше подтвердить всем командующим дистанциями по границе, отнюдь никакой несправедливости соседственным народам не делать, а иметь с ними дружественное обращение и всячески стараться приобрести их доверенность... Если при этом горцы не прекратят набегов, применять репрессалии только к виновным. О каждом таком случае следовало сообщать лично императору с обстоятельным обоснованием причин карательной акции, чтобы сие не было употреблено во зло». Таковую же позицию сначала занимал и император Николай I. Такова позиция в этот период была командования войсками и многих русских офицеров.

Со временем на участвовавшие набеги горцев, ответные русские репрессии становились более жесткими и обрушивались на виновных и невиновных без разбора. Эти военно-политические действия ослабляли положительные позиции России, способствовали пополнению рядов участников набегового промысла с лозунгом защиты от русских. В качестве карательной меры также применялась экономическая блокада. С 20-х гг. заметно

падает меновая торговля с черкесами, обеспечивавшая их предметами первой необходимости, прежде всего солью. К концу 30-х гг. она была практически запрещена. Это привело к активизации черкесско-турецкой контрабандной торговли.

В действия военного руководства вносило нервную суету то обстоятельство, что на Северо-Западном Кавказе имелись основания опасаться иностранного вмешательства, так как регион был уязвим для открытого вторжения с моря.

Реальность сложившейся ситуации оценивали как в российских правительственных кругах, высшем военном руководстве страны, так и военное командование на Кавказе. Адрианопольский договор «был только буквою, которой черкесские племена не хотели знать». Теперь уже многие кавказские генералы имели убеждение, что умиротворить черкесов можно только военно-карательными способами. Такой точки зрения, в том числе, придерживались начальник Черноморской кордонной линии Власов, Главнокомандующий Кавказским краем А.П. Ермолов, затем – и И.Ф. Паскевич и А.А. Вельяминов.

Алексей Александрович Вельяминов (1785-1838) был превосходным стратегом и тактиком военного дела.

В 1802 году он был зачислен на службу, по тогдашнему обыкновению, еще в детстве в лейб-гвардии Семеновский полк, и 16 лет от роду был уже поручиком гвардейской артиллерии. Где воспитывался он – неизвестно, но обладал обширными познаниями, особенно по математике. Боевая деятельность Вельяминова началась в кампании 1805 года против Франции, затем участие в русско-турецкой войне 1806-1812гг. Он активный участник Отечественной войны 1812г., которую закончил у стен Парижа. Проявленная храбрость в боевых действиях, выдвинули его из рядов сверстников. (См. Фото Вельяминова А.А.)

Еще штабс-капитан первой гвардейской артиллерийской бригады, но, уже имея Георгиевский крест за участие в боевых сражениях, Алексей Александрович Вельяминов обратил на себя особенное внимание Алексея Петровича Ермолова, командующего войсками Отдельного Грузинского (с 1820 – Кавказского) корпуса. По его настоянию в 1816 году Вельяминов и был назначен на важный пост начальника штаба отдельного Грузинского корпуса. Через два года, на двадцать восьмом году от рождения, Вельяминов был уже генералом.

С 1823 года генерал-майор Вельяминов служил на Кавказе в должности начальника кавказского штаба. В этот период А.П. Ермолов направил А.А. Вельяминова на Кубань с инструкциями и обширными полномочиями.

Военный историк, генерал русской армии Василий Алексеевич Потто пишет: «Генерал соответствовал своему назначению: довольно молод, тридцати семи лет, черты его рябоватого лица были закаленными, с открытым лбом и пронзительным взглядом, в котором угадывалась жесткость характера и холодное равнодушие. Про него недаром говорили, что он никогда не жалел о потерях, как бы велики они ни были, лишь бы сделано было задуманное... На Кавказе Вельяминов поспевает всюду, где только могла встретиться надобность в его знаниях и энергии: закладывает вместе с Ермоловым Сунженскую линию, строит Внезапную, громит акушинцев, затем усмиряет бунт в Имеретии, играет влиятельную роль в покорении Кабарды – и, наконец, является в роли начальника центра и правого фланга Кавказской линии».

Боевой кавказский генерал Г.И. Филипсон, умный и пронзительный мемуарист, служивший на Кавказе много лет и находившийся рядом с А.А. Вельяминовым, охарактеризовал его так: «Он принадлежал к кружку, из которого вышло несколько заметных деятелей, как Ермолов, князь Меншиков, граф Бенкендорф и другие, с которыми он сохранял дружеские отношения. На Кавказе он стал известен как начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса во время того, как главнокомандующим кавказскими войсками был генерал Алексей Петрович Ермолов. Вельяминов был его верным другом и помощником. Они были на «ты» и называли друг друга Алешей... От природы А.А. Вельяминов был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Все его мысли и заключения носили на себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно, и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание, там, где он думал, что долг или польза службы требовали жертвы. Строгость его доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма... Вельяминов был честный и верный слуга государя, но с властями держал себя самостоятельно».

Русский офицер, барон Федор Федорович Торнау, прослуживший на Кавказе 12 лет, пишет об искажении правды о войне «во времена царского фаворита Паскевича», при этом характеризуя А.А. Вельяминова: «... Искусство сочинения дошло вскоре до такого «совершенства», что даже холодный и ничему не удивляющийся скептик А.А. Вельяминов дивился лживости донесений генералов Понкратьева и Фези».

Историки особо отмечают жестокость и цинизм Вельяминова по отношению к своим противникам-горцам.

Предложения А.А. Вельяминова в 1830 году легли в основу правительственного плана устройства Закубанского края:

- система внутреннего управления горцами с установлением в Черкесии российских законов;
- крейсерство вдоль Черноморского берега;
- возведение укреплений.

Он воплощал этот план в практическое действие.

Первым, в 1831 году было построено Геленджикское укрепление. (См. Фото Схема Геленджикского укрепления).

Алексей Александрович, учитывая особую стратегическую роль Геленджика на Черноморском побережье, прежде всего, решил соединить дорогами Геленджикское укрепление с территорией Черноморского (впоследствии Кубанского) казачьего войска. До этого Геленджик был связан с внешним миром только морским путем.

Еще более четко отражена позиция генерала А.А. Вельяминова к происходящей войне и противоборствующей России стороне в проекте покорения Кавказа, который он представил Государю Императору Николаю I в 1833 году. По его плану, в частности, в отношении Западного Кавказа, предусматривалось занятие земель русскими переселенцами, соединение русских пунктов удобными и безопасными дорогами, создание непрерывной линии фортов и крепостей на черноморском побережье и усиление крейсерства вдоль побережья.

Утвержденный Императором план было поручено исполнять командующему войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани, начальнику Кавказской области генерал-лейтенанту Вельяминову (служил в этой должности в 1831- 1838гг.).

В своей записке от 20 мая 1833 года на имя командующего Кавказским корпусом генерала Г.В. Розена А.А. Вельяминов пишет: «...Отрезать горцев (крейсерством) от сношений с турками важно потому, что если от Кубани мы будем делать набег на земли черкесов и истреблять ежегодно все дальше в горы, где у них мало пастбищ, то, не имея подвоза хлеба с моря, они изнемогут в несколько лет и подчинятся нам. Отнятые места следует заселять русскими станицами и деревнями, а в горах занять важные в стратегическом отношении пункты».

Этот план выполнялся под непосредственным командованием и участием А.А. Вельяминова.

В 1834-1836 гг. была построена Геленджикская укрепленная линия, в результате:

- в 1834г. сооружено Абинское укрепление на реке Абин;
- устроена дорога протяженностью 75 верст от Ольгинского укрепления на Кубани до Геленджика;
- в 1835г. – Николаевское укрепление (при впадении реки Адегой в реку Абин);
- в 1836г. – при впадении реки Дооб в Черное море было построено укрепление Александрийское, позже названное Кабардинским;
- в 1837г. военный отряд дошел до устья реки Пшад и построил здесь Новотроицкое укрепление,
- затем перешел к устью реки Вулан, где было построено Михайловское укрепление. (См. Карта-схема укреплений на побережье Черного моря).

Следует отметить, что все четыре военные экспедиции по плану Вельяминова, снаряжались и весной отправлялись из Ольгинского укрепления на побережье, а осенью сюда же возвращались на зимние квартиры.

Для ознакомления с местностью между рекой Кубанью и Геленджиком, возможностью открыть сухопутный путь между этой крепостью и кавказской военной линией, в сентябре 1834 года состоялась первая экспедиция. 6-тысячный отряд, под командованием А.А. Вельяминова, с 28 орудиями, впервые в истории русских войск на Кавказе, намерены были совершить переход от Ольгинского укрепления, расположенного на реке Кубань, к Геленджику. Первый вельяминовский экспедиционный поход был один из самых трудных переходов для русской армии: долины были узкие и тесные с множеством ущелий, горцы, прячась в кустах по утесистым склонам, постоянно держали в напряжении жизнь тех, кто проходил у их ног. Участникам экспедиции пришлось проявить мужество, отвагу и самообладание, чтобы оттеснить и изгнать с пути следования воинствующие отряды горцев и одновременно обустроить дорогу для движения колонны.

Весь путь в Геленджик и обратно в Ольгинскую занял около двух месяцев. В результате проведенной экспедиции было возведено Абинское военное укрепление, положено начало устройству Геленджикской кордонной линии и стратегических дорог к Черному морю. Выполнена была еще одна задача: знакомство с местностью, расположенной между рекой Кубань и Геленджиком, а также был определен удобный и надежный путь между Ольгинским укреплением и кавказской военной линией. Вельяминов личным примером поддерживал участников экспедиции, все внимательно планировал, сберегая живые силы и военную технику.

Участник экспедиции Александр Бестужев-Марлинский, писатель, декабрист, сосланный на Кавказ служить рядовым солдатом, писал своим братьям о первом походе в Геленджик: «Вошли в ущелье 10 октября. Мы дрались за каждую пядь земли, завоевывали дорогу кирками... Перешли через огромный хребет со всеми тяжестями. Ура, мы в Геленджике!.. Вы не сыщете Геленджика на карте, может быть, не подзреваете его и на белом свете. Эта крепость не более 3-х лет вышла на Черкесский берег, в бухте весьма удобной для рейда... Отдохнули в Геленджике, где я был на море, на судах, купался в фосфорных зеленых волнах, парился лавровыми венниками, ел летучих рыб, камбалу... И потом, околевив кругом, проложив другую дорогу, мы возвратились к Кубани. Каких трудов и сколько крови стоило нам это!»

Вторая экспедиция от Ольгинского укрепления до Геленджика, также под командованием генерала А.А.

Вельяминова, проведена в 1835 году. Ее целью было расчистить дорогу, которую открыли в первом походе, расширить так, чтобы несколько повозок могли пройти по ней рядом, построить Николаевское укрепление и овладеть позицией селения Дооб (Кабардинка). Бухта селения Дооб была надежнее, чем бухта Суджук-Кале (Цемесская бухта), открытая для северо-восточных ветров и опасная для военных судов, особенно во время норд-оста. Цель второй экспедиции была достигнута: построена необходимая дорога и возведено Николаевское укрепление, ставшее еще одним звеном кордонной кавказской линии.

Третья экспедиция началась в мае 1836 года также из Ольгинского укрепления. Но прежде чем начать поход, генерал Вельяминов обнародовал воззвание к черкесам, в котором предлагал им сдаться России и исполнять Адрианопольский договор. Ответ был отрицательный.

Итогом этой экспедиции было дальнейшее устройство укрепленной кордонной линии до Геленджика, сооружение стратегических дорог к Черному морю, во время которой было заложено Александрийское (Кабардинское) укрепление.

В мае-сентябре 1837 года генерал А.А. Вельяминов провел последнюю в своей жизни экспедицию к Геленджику. Задачи летней экспедиции 1837 года были серьезнее предыдущих: отряд должен был действовать к юго-востоку от Геленджика, там, куда еще не проникали русские войска. Нужно было занять устья двух рек Пшады и Вулана, построить в них укрепления. Для этого были собраны следующие силы: десять батальонов пехоты (четыре - Навагинского, четыре - Тенгинского и два - Кабардинского полков), две роты кавказского саперного батальона, 4-й, 8-й, 9-й, и 10-й черноморские пешие казачьи полки и 75 казаков конной конвойной команды, кроме того - 26 орудий и 10 мортирок (короткоствольные пушки, имеющие большую разрушительную силу).

Отряд, при котором находилось 220 повозок конно-подвижного транспорта, выступил с Кубани из Ольгинского укрепления к Геленджику. В течение всего пути подвергались постоянным нападениям горцев и в середине мая достигли сначала Александрийского укрепления, затем Геленджика.

Через несколько дней отряд экспедиции двинулся к перевалу Вердовие (Михайловский) и на всем пути был постоянно атакован горцами. Потеряв в один день 25 человек убитыми и ранеными, Вельяминов понял, что движение через перевал всей артиллерией и тяжестями невозможно.

Он принял решение весь груз вернуть в Геленджик, а потом отправить его морем к устью реки Пшада. Путь экспедиционного отряда был трудным: расчистка сплошных зарослей, разработка дороги подъемов и спусков, практически постоянная перестрелка с горцами, особенно в горной местности. В начале июня, наконец, достигли долины, затем устья реки Пшады. Расчистили местность от леса, зарослей, разгрузили подошедшие из Геленджика суда с грузом, начали строительство укрепления, которое впоследствии было названо Новотроицкое (в честь того, что строительство было начато 6 июня - в день Святой Троицы).

В своем дневнике поручик - участник экспедиции Отдельного Кавказского корпуса в 1837-1839гг., в будущем - генерал-лейтенант Николай Васильевич Симановский, пишет: «6 июня. Воскресенье (Троицин день). Сегодня заложение крепости. Заложение было следующим порядком: после обедни служили молебен на месте, назначенном для постройки, потом это место окропили святой водой, сделали 101 пушечный выстрел, войска прошли церемониальным маршем мимо Вельяминова...».

Этим же экспедиционным отрядом А.А. Вельяминов планировал построить укрепление в долине реки Вулан.

13 июля под постоянными перестрелками с горцами, отряд начал разрабатывать дорогу подъема и спуска перевала Суемчеуатль (Пшадский перевал). При поддержке горной артиллерии перевал был освобожден от отчаянно сражавшихся горцев. В течение всего пути к устью реки Вулан приходилось с боем брать каждый клочок земли.

Поручик Н.В. Симановский о строительстве Михайловского укрепления в дневнике отмечает: «24 июля. Место для крепости уже обозначено колыями, она будет для 2-х рот, в полтора раза больше пшадской. Тут будет также и батальонный штаб. Земля здесь довольно каменистая, зато вал не будет так высок, как в Пшаде, ибо, несмотря на гораздо большую отдаленность от гор, она строится на возвышенном месте... Кирпичу предполагается сделать всего 200 тысяч, лишь для обшивки внутренней стороны вала...». 29 июля генерал Вельяминов в долине реки Вулан заложил новое укрепление, назвав его Михайловским.

Оставив необходимые силы для завершения строительства Михайловского укрепления, 2 сентября генерал Вельяминов выступил к Геленджику. Он должен был представить отряд Императору Николаю I, который прибыл в Геленджикское военное укрепление 20 сентября 1837 года в сопровождении наследника престола Александра, графа А.Х. Бенкендорфа, других особ.

В этот же день Николай I (См. Фото Император Николай I)

принял командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, других высших чинов укрепления, навестил смертельно раненого в военной экспедиции генерал-майора Штейбе. Государь пожелал раненому выздоровления и вручил 3 тысячи червонцев.

При посещении батальонных лазаретов было оказано монаршее благоволение раненым нижним чинам. Некоторым из них были положены на грудь Георгиевские кресты за проявленное мужество и отвагу во имя царя и Отечества.

На следующий день, 21 сентября, планировался высочайший смотр войск как Геленджикского гарнизона, так и прибывших войск из Новотроицкого укрепления (ныне с. Криница). Заканчиваться смотр должен был блистательным фейерверком в честь высочайшего гостя.

Но смотр не состоялся. Норд-ост, поднявшийся еще 19 сентября, до того усилился, что разметал палатки, опрокинул поставленные в козлы ружья. К тому же в этот день, в 7 часов утра, вспыхнул пожар – загорелись бунты провиантного магазина. Геленджик окутал дым, огонь угрожал батальонному пороховому погребу.

В это время император стоял на балконе комендантского дома и наблюдал за смелостью и отвагой офицеров и солдат, которые одобряемые его присутствием и указаниями генерала А.А. Вельяминова, вытаскивали из погреба бочонки с порохом и ящики с патронами.

К 11-ти часам пожар был затушен и Государь с приближенными отправился в лагерь.

Подъехав к войскам, он спешил с коня и пошел вдоль строя, по правую руку от него за ним следовал наследник Александр.

В Записках очевидца – генерала Г.И. Филипсона, начальника штаба 1-го отделения Черноморской береговой линии, отмечается: «В это время ветер дул прямо в лицо войску с такой силой, что солдаты с трудом удерживались на ногах, ружья держали «на караул» только левой рукой, а правой – придерживали фуражки».

Обойдя войска, Николай I направился к палатке, которую с величайшими усилиями удерживала целая сотня казаков.

После завтрака, несмотря на непогоду, император снова встретился в неформальной обстановке с солдатами, которых благодарил за усердную службу, со многими офицерами вступал в разговор, а Алексея Александровича Вельяминова обнял и поцеловал.

22 сентября Николай I простился с высшими чинами и на лодке азовских казаков, при нескончаемых криках «ура», отправился на ожидавший его корабль «Полярная звезда».

Последняя экспедиция 1837 года, под командованием А.А. Вельяминова, в целом завершилась успешно. Он провел русские войска впервые по побережью Черного моря с боями, где никогда не ступала нога русского солдата.

В результате проведенных генералом А.А. Вельяминовым лично военных экспедиций 1834-1837гг., было положено устройство Геленджикской кордонной линии, укреплен Черноморская береговая линия, проложены стратегические сухопутные дороги к Черному морю. Все принятые меры укрепили геополитическое положение русских войск на Кавказе и существенно приблизили окончание Кавказской войны.

Активизация Россией военных действий требовала от горцев ответных действий и выработки единой тактики отношений с русскими. Так, в феврале 1835г, июне 1836г., мае 1837г. проведены народные собрания шапсугов и натухайцев. В июне 1836г. было решено отправить послов к генералу Вельяминову (в это время он прибыл в Геленджик с экспедицией) с требованием прекращения военных действий и начать мирные переговоры. Возвратившиеся послы привезли письмо от генерала, в котором он отверг предложения горцев. В частности он писал, «...если шапсуги и натухайцы не признают добровольно власть России, то их Аулы будут преданы огню и мечу... Сдавшись вы сохраните за собой все, что имеете, нет – всё будет у вас отобрано, даже ваше оружие и вы станете рабами... Разве вы не знаете, что если бы падало небо, то Россия достаточно могущественна, чтобы поддержать его своими штыками».

Такова непоколебимая и целенаправленная позиция генерала относительно противоборствующей стороны.

Известный советский историк, кавказовед, один из биографов Вельяминова, Владимир Иосифович Безъязычный в своих научно-исследовательских работах отмечает малоизвестную сторону Вельяминова. Алексей Александрович – ближайший друг и младший сподвижник по военным делам Ермолова, был также как и Ермолов «вольтерьянцем». Идеология Вольтера - это идея равенства людей и борьба с сословностью. Русское же «вольтерьянство» снижает государственное значение церкви, превозносит Разум, равенство людей и разоблачает сословность. «Вольтерьянство» для Вельяминова являлось частью его мировоззрения. Более того, оно определило его жизненную позицию, его поведение на службе без компромиссов и угодничества. Это был человек личной честности, возведенной в принцип служебного долга. Близко знавшие Алексея Александровича уважали его за высокое нравственное достоинство, образованность, благородство, личную храбрость, военный талант. Его нравственные и религиозные убеждения основывались на творчестве писателей XVIII века, в основном французских. За новейшей литературой он мало следил, изящная литература его несколько не интересовала, хотя у него была большая библиотека, которую он постоянно пополнял. Он считался православным, но придерживаясь «вольтерьянства», в церковь никогда не ходил и обрядов не исполнял.

«Вольтерьянство» оказало огромное влияние и на его личную жизнь: Вельяминов, как и его брат Иван Александрович, его сестры никогда не имели своих семей, они не оставили потомства. Время стерло многое, что связано было с ними, прекратился их род.

Имея «вольтерьянские» убеждения, командующий Кавказской линии и Черномории, А.А. Вельяминов, как и ранее его друг и учитель А.П. Ермолов, доброжелательно относился к сосланным на Кавказ декабристам, был внимателен к

их нуждам, оказывал им помощь, хотя это было небезопасно для самого командующего.

Состоявший в штабе войск Г.И. Филипсон отмечал: «Он не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали. Он обращался с ними учтиво, ласково, и не делал никакого различия между ними и офицерами».

Декабристы являлись выразителями не только прогрессивных политических воззрений, но и передовых военных идей своего времени. Они отличались высоким уровнем военно-теоретической подготовки и большим практическим опытом. В службе на Кавказе они проявляли военное искусство и демонстрировали в сложных горных условиях высокие образцы боевого мастерства. Среди солдат они показывали примеры отваги, смелости, готовности к взаимной выручке, что давало возможность им сблизиться с солдатской массой, найти путь к солдатскому сердцу. Офицеры-декабристы видели в солдате человека, гражданина, сына народа - это качество отличало их от большинства других командиров русской армии.

Декабрист, писатель А.А. Бестужев-Марлинский (См. Фото Бестужева-Марлинского А.А.)

действительный член Вольного общества любителей российской словесности, член Северного общества, за активное участие в восстании на Сенатской площади (1825г.) был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет с отбыванием в поселении г. Якутска. В 1829 году был переведен рядовым на Кавказ для службы в Отдельном Кавказском корпусе.

В 1834 году впервые вместе отрядом А.А. Вельяминова участвовал в двухмесячном военном походе из Ольгинского укрепления в Геленджикское военное укрепление. Вельяминов всячески старался обеспечить ему возможность отличиться в боях и заслужить офицерские эполеты. Во время экспедиций Бестужев-Марлинский подготовил к публикации рассказы «Краткое известие» и «Дневник», затем повесть «Он был убит», которая воспроизводила события похода. В 1835 году Вельяминов, не запрашивая разрешения императора, ни согласия командира корпуса Розена, направил тяжело заболевшего Бестужева на лечение в Пятигорск. Периодически, в течение 1834-1836 гг., Бестужев служил в гарнизоне Геленджикской крепости. Прикомандированный к Тенгинскому полку, писатель совершал походы в Закубанье. В этот период он написал одно из своих лучших повестей «Мулла-Нур».

Службой или пребыванием в Геленджикском укреплении связаны декабристы Н. Акулов, В.М. Голицын, Н.А. Загорецкий, В.И. Игельстром, Н.И. Лорер, С.И. Кривцов (См. Фото Кривцова С.И.)

, М.А. Назимов, М.М. Нарышкин, В.С. Норов, В.С. Толстой, которые были непосредственно знакомы с А.А. Вельяминовым.

В Закубанскую экспедицию Вельяминова в 1837 году был прикомандирован М.Ю. Лермонтов. А.С. Грибоедов считал встречу с Вельяминовым «наипрекраснейшим открытием достойного человека». Находясь в Ставрополе, Грибоедов с друзьями собирались к обеду у Вельяминова, где читал только что законченную свою поэму «Горе от ума».

Современник того периода, декабрист Владимир Сергеевич Толстой, переведенный на Кавказ в 1829 году вместе с А.А. Бестужевым-Марлинским и прослуживший на Кавказе более 25 лет, хорошо знал этот край. В 1860-1870-х гг. опубликовал в журнале «Русский архив» статьи, рассказывающие о народах Кавказа, их быте, о военных экспедициях с Вельяминовым, различных сторонах жизни на Кавказе. В своем архивном материале «Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать», он пишет: «Вельяминов владел в высшей степени искусством начальствовать и всем подчиненным, даже состоящим в равном с ним чине, внушал глубокое уважение и почтение. Солдаты не любили его, прозвав «четыреглазый», вследствие того, что в походе он носил очки, но питали к нему неограниченное доверие, придающее им в боях неудержимую отвагу... Когда Вельяминов начальствовал на Кавказской линии, командиром Отдельного Кавказского корпуса был барон Григорий Владимирович Розен, покровительствуемый Военным Министром Александром Ивановичем Чернышовым... Корпусное начальство оказывало явное недоброжелательство и совершенно несправедливо придирчивость к Вельяминову, чем сильно стесняло его».

Таким он был русский офицер А.А. Вельяминов, такова его роль и военно-политическая позиция на развитие военных действий на Северном Кавказе в период Кавказской войны.

Смерть на 53-м году жизни (27 марта 1838 г.) не дала А.А. Вельяминову завершить задуманный им план создания Черноморской береговой линии, в системе которой Геленджик отводилось одно из центральных мест. Назначенному самим А.А. Вельяминовым, генералу Н.Н. Раевскому – младшему довелось в течение 1838-1839 гг. воплотить в жизнь планы Вельяминова и создать Черноморскую береговую линию от устья реки Кубань до турецкой границы.

В мае 1838 года, в память умершего командующего, в устье реки Туапсе, генерал Н.Н. Раевский основал укрепление, названное Вельяминовским. В 1864 году на месте укрепления была основана станица Вельяминовская, позже преобразованная в селение. В настоящее время пос. Вельяминовский входит в черту г. Туапсе.

Раевский Николай Николаевич (1801-1843), генерал-лейтенант, Начальник Черноморской береговой линии. (См. Фото Раевского Н.Н.- мл.).

Мать, Софья Алексеевна, внучка М.В. Ломоносова. Отец, Николай Николаевич Раевский – старший был активным участником Великой Отечественной войны 1812 года.

Раевский - младший был талантливый военачальник, обладал качествами высокообразованного человека, воспитанный на патриотических чувствах в свободолюбивой дворянской семье, члены его семьи были близки к декабристам. В 1825 году братья Николай и Александр Раевские были арестованы по делу декабристов. Они были признаны невиновными и освобождены, однако считались либералами и политически неблагонадежными. Их сестра Мария Николаевна, жена декабриста С.Г. Волконского, последовала за мужем в Сибирь.

Николай Николаевич был близким другом А.С. Пушкина. Именно ему гениальный поэт посвятил свое бессмертное произведение «Кавказский пленник».

В 1826 году император Николай I направил Н.Н. Раевского на Кавказ, получил назначение командиром Нижегородского драгунского полка, который дислоцировался в Грузии. Он принимал активное участие в войнах России с Ираном и Турцией.

Известно отношение Н.Н. Раевского к декабристам. Хотя за ним велось наблюдение, но он не скрывал своего доброго отношения к своим друзьям-декабристам. Несмотря на влияние и боевые заслуги перед Отечеством Н.Н. Раевского-старшего, дружба со многими декабристами делала Раевского-младшего в глазах императора Николая I неблагонадежным. Михаил Александрович Бестужев (брат писателя-декабриста А.А. Бестужева – Марлинского) пишет: «Генерал Раевский, бывший член нашего Общества и прощенный Государем за чистосердечное раскаяние, проживая, как начальник отряда в Тифлисе, наполнил свой штаб большею частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал в своем доме».

Раевский подвергся преследованиям и опале, которая длилась несколько лет. Он стремился помочь декабристам, в том числе и получить офицерские звания, открывавшие возможность возвращения домой. Так, по его рапорту был произведен в офицеры К.Г. Игельстром. Н.Н. Раевский был патриотом, гуманистом с передовыми взглядами того общества.

Через 11 лет службы на Кавказе, 21 сентября 1837 года (по воспоминаниям декабриста В.С. Толстого – 21 сентября 1836г.) Николай Николаевич Раевский был назначен начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии. Ему были подчинены все построенные укрепления на побережье от Анапы до Гагр, а также те, которые предстояло возвести. Штаб-квартира располагалась в г. Керчи. Официальное открытие Черноморской береговой линии состоялось 23 мая 1839 г., когда она была разделена на два отделения. Начальником всей линии оставался Н.Н. Раевский.

Положение дел на Северо-Западном Кавказе тогда было таково, что требовало незамедлительного решения многих вопросов.

Прогрессивно настроенный Раевский, в общем, осуждал карательные действия русских войск против горцев, их вторжения и набеги на черкесские земли. Однако он был убежденным сторонником присоединения Кавказа к России.

Поэтому «миролюбивая система», иногда противоречивая, Н.Н. Раевского свидетельствовала не столько о гуманных побуждениях, хотя и их не стоит отрицать, сколько о поисках путей прекращения войны:

– через хозяйственную и торговую деятельность черкесов постепенно искоренить набеговый промысел, порождавший состояние постоянной напряженности на Кубани и Черноморской береговой линии, т.к. отсутствие или запрещение русской торговли с горцами лишь увеличивало размеры турецкой торговли и способствовало возрастанию влияния Османской империи в этом крае;

- однако, предлагал (1839г.) устроить вблизи Новороссийского укрепления рынок, где представить турецким купцам право торговать с горцами, в том числе и женщинами, под наблюдением русских;

- а также предпринимал усилия для привлечения переселенцев на освобождающиеся от горцев земли Кавказского побережья, сделать береговые укрепления торговыми пунктами и создать вокруг них казачьи поселения.

Генерал Раевский показывал, как должны развиваться торговые отношения с горцами. Вот строки из его докладной записки «Обзорение восточного берега Черного моря» в Петербург, датированной апрелем 1839 года: «Для открытия сношений с горцами я привез с собой на первый случай 2 тысячи пудов соли в Геленджик... Желая показать горцам, что Высочайшее соизволение на продажу им соли есть милость Государя Императора, я приказал объявить горцам, что нам известен их недостаток в соли и дорогая цена, за которую они покупают ее у контрабандистов, что я им буду выменивать соль на их произведения, а не на деньги и вдесятеро дешевле, чем они покупали до сих пор. Но при том им объявил, что открою торг соли только в тех укреплениях, где в продолжение зимы горцы не беспокоили гарнизон... Наконец, я им объявил, что запрещаю немедленно торговлю, если настоящее спокойствие гарнизонов нарушится враждебными действиями».

Через командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина, предложения Н.Н. Раевского были направлены военному министру Чернышову. Предложения были приняты и указания министра из-за нежелательной огласки секретным предписанием были направлены генералу Раевскому для практического действия: «Не лишать возможности горцев и на будущее время сбывать женщин, которых они до сих пор продавали туркам, выменивать их на соль или деньги и по окрещении выдавать замуж за наших военнослужащих».

Следует отметить, что горцы продавали туркам-единоверцам рабынь или пленниц, но никогда не продавали своих дочерей и жен. Но тот же самый черкес скорее решился бы убить женщину, чем продать ее русским на осквернение.

Таким образом, выполняя указания царского правительства, начальник Черноморской береговой линии, свободолюбивый генерал Н.Н. Раевский противоречил своим убеждениям. Он рассматривал торговлю с горцами исключительно с позиций своей колониальной политики. Торговля с горцами должна была стать средством экономического давления на них и поставить удовлетворение их нужд в прямую зависимость от воли военных властей. Особенно это сказалось на продаже соли, торговля которой получила монопольный характер: на Черноморской и Кавказской кордонных линиях она была сосредоточена в руках войсковой казачьей администрации, на побережье – комендантов военных укреплений.

Служба на Кавказе свидетельствовала о честности и принципиальности Раевского. На «устройство нового, своеобразного края» Николай Николаевич направил всю свою исключительную энергию, военные и административные дарования. «Я опять повторяю,- писал Раевский военному министру А.И. Чернышову вначале 1840 года, - что мы еще не умеем ценить важность приобретения восточного берега Черного моря. Его протяжение обширнее берега Франции на Средиземном море... Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуми. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море». Раевский особое внимание обращал на установление прочных экономических связей России с Кавказом, а укрепление ЧБЛ рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли. Он просил правительство поощрять развитие торговли на берегах Черноморья, предоставлять желающим возможность переселения, а купцам и ремесленникам предоставлять льготы. Он предлагал активнее привлекать частный капитал к установлению торговых отношений с горцами, призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли. Н.Н. Раевский был одним из тех, кто сомневался в жесткости политического курса к горцам, принятого в то время царской Россией. «Одна миролюбивая политика с горцами, - писал начальник Черноморской береговой линии, - может вести к прочному их покорению, всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитии, вредна... торговля, сближая горцев с нами, доставляя огромные выгоды... не может иметь вредных последствий».

6 февраля 1841 года генерал-лейтенант Н.Н. Раевский ушел в отставку и поселился в селе Красеньком Новохоперского уезда Воронежской губернии, в усадьбе жены Анны Михайловны Бороздиной, где занимался сельским хозяйством. Умер 24 июля 1843 года, был похоронен на территории церкви села.

Итак, некоторый итог военно-политической деятельности на Северном Кавказе во время Кавказской войны А.А. Вельяминова и Н.Н. Раевского показывает, несмотря на то, что оба военачальники были талантливые, решительные, не сомневавшиеся в необходимости, целесообразности и неизбежности завоевания Кавказа, непреклонно выполнявшие свой долг русского генерала, по отношению к горским народам имели отличительную позицию.

Жесткий и циничный А.А. Вельяминов добивался цели любым способом, для него главное - результат.

Н.Н. Раевский для достижения цели не готов был душиť голодом все население поголовно. Хотя он понимал, что никто не мог даже заикнуться об удовлетворении требований противника, т.к. они были солдатами строящейся империи и двигаться могли только вперед. Покидая Кубань, Н.Н. Раевский писал: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край».

Литература:

1. Кавказский сборник, издаваемый по указанию Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией, тт. 4, 8, 11, 14, 17. – Тифлис: 1879 – 1896.
2. Энциклопедический словарь. Издатели: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. - Санкт-Петербург: 1904-1905.
3. Фредерик Дюбуа де Монперэ «Путешествие вокруг Кавказа» (Репринтное воспроизведение), т.1 - Сухуми: «Абгиз», 1937.
4. История народов Северного Кавказа под ред. академика Нарочницкого А.Л., М.: «Наука», 1988.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. (Репринтное воспроизведение) - Екатеринодар, 1910-1913.
6. Потто В. А. «Кавказская война», т.т. 1-5. – М.: ЗАО «Центрополиграф», 2007г.
7. Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. - М.: ЗАО «Центрополиграф», 2001.
8. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М.: «Наука», 1976.
9. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война.- М.: «Росет», 1994.
10. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. - Санкт-Петербург, 2000.
11. Джон Баддели. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2007.
12. Сборник Русского исторического общества, т. 2. - М.: «Русская панорама», 2000.
13. Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999.

14. Спенсер Эдмонд. Путешествия в Черкесию. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994.

15. Материалы архивных фондов Геленджикского историко-краеведческого музея.

Соловьёва Нина Тихоновна, заведующая организационно-методическим отделом
МУК «Геленджикский историко-краеведческий музей»